

В маленьком домике у моря женщина проснулась после дневного сна с тоскливым чувством. Долго не могла прийти в себя, а слёзы бесшумно текли по щекам.

Ей было уже за пятьдесят. Нынешний муж был примерно её возраста. Когда только появилась система пенсионных накоплений, он каждый месяц откладывал деньги и платил взносы за себя и за неё. На какое-то время из-за этого им пришлось жить довольно тяжело, зато после пятидесяти, когда ровесники вокруг стали тревожиться, что с возрастом уже не смогут работать и зарабатывать, их с мужем пенсии — по тысяче с лишним юаней в месяц каждому — вполне хватало для хорошей жизни в деревне.

Им больше не приходилось изнурять стареющие тела тяжёлым трудом.

Нынешней жизнью женщина была довольна. Только иногда вспоминала первого мужа и думала: почему он ни разу не приходит во сне, не рассказывает, как у него дела?

До сегодняшнего дня.

Муж, возившийся во дворе, услышал её всхлипы, поспешно отложил только что выдернутую молодую зелень и вошёл в дом.

— Что случилось? Почему вдруг плачешь?

— Лао Линь, мне только что приснился сон. Я увидела его... Он сказал, что не ненавидит меня за второй брак, просто все эти годы не мог прийти во сне по независящим от него причинам. Просил поблагодарить тебя и ещё сказал, что тоже тебя не винит, — со слезами в уголках глаз пересказала женщина слова покойного мужа.

Лао Линь и её первый муж когда-то были довольно хорошими друзьями. Начав отношения с его вдовой, Лао Линь тоже взвалил на себя и людскую молву, и чувство вины.

Супруги жили дружно, но всякий раз, когда речь заходила о первом муже, между ними неизбежно повисало молчание.

— Хороший сон, — Лао Линь улыбнулся женщине. — Полежи ещё. А я пойду нарву овощей, завтра повезём Нини в город. В супермаркете зелень всё равно не такая вкусная, как своя. Нини любит именно нашу.

Нини была дочерью женщины и первого мужа. Теперь ей тоже уже было за тридцать: она поступила в университет, нашла хорошую работу, вышла замуж, родила ребёнка и поселилась в городе. Богатой её жизнь не была, но и особых тягот не было.

У пожилой пары имелись собственные пенсии, и пока здоровье позволяло, они не становились для Нини дополнительным бременем.

— Но... этот сон был слишком настоящим. Мне всё кажется, что он и правда приходил, — сказала женщина, и вдруг сквозь пелену слёз в глаза ей бросился серебристый отблеск.

Она вытерла слёзы и опустила взгляд. На тумбочке у кровати неизвестно когда появилась серебристая упаковка прессованного печенья с арахисовым вкусом — в точности такая же, какую она видела во сне!

Она снова вытерла глаза и посмотрела ещё раз.

Печенье никуда не исчезло. Это был не сон.

— Смотри, именно эту пачку он дал мне во сне. Сказал, что попробовал, ему понравилось, вот и принёс мне одну на пробу... Совсем как раньше. Каждый раз, возвращаясь домой, обязательно что-нибудь нам привозил, — вспоминала женщина.

Когда муж уходил в море, он всякий раз приносил ей и дочери какие-нибудь бесплатные мелочи: яркие ракушки, морскую звезду размером с детскую ладонь или, например, осьминога.

Лао Линь ошеломлённо смотрел на пачку печенья. Он совершенно точно помнил: когда выходил из комнаты, её не было. Жена всё это время оставалась внутри и никуда не уходила.

Значит, он действительно возвращался.

И действительно простил их.

Глаза Лао Линя тоже покраснели; невозможно было понять, чего в его лице больше — радости или печали. Супруги прижались друг к другу у кровати, пытаясь успокоить взаимное волнение.

\*

Те из рыбаков, кто был постарше и имел семьи, первым делом приходили во сне к жёнам или детям.

Младший брат, которому тридцать лет назад только исполнилось восемнадцать и который спустя тридцать лет всё ещё оставался восемнадцатилетним, жениться не успел. Поэтому прежде всего он захотел связаться с отцом и матерью.

Но те тридцать лет, что братья не могли вернуться домой из бескрайнего моря, были такими же тридцатью годами и для пожилой пары.

Самое беспощадное — время. Старость, болезни и смерть без исключения приводятся в

исполнение этим палачом.

Хотя младший понимал, что надежда почти призрачна, всё равно попробовал... и, как ожидалось, не получилось.

Остальные братья, уже связавшиеся с жёнами и детьми, тоже стали пробовать добаться до снов родителей. И тоже безуспешно.

Старший брат на самом деле уже кое о чём догадывался. Его жена всегда была внимательной, но в разговоре ни словом не упомянула родителей. Наверное, думала, что они давно встретились с сыновьями в загробном мире.

— Может... может, отец с матерью теперь просто не любят спать днём, — улыбка застыла на мертвенно-бледном лице младшего. Изогнутые уголки губ выглядели так неестественно, словно их удерживала проволока. — Вечером попробую ещё раз.

□У-у-у, реву в голос□

□Тридцать лет... они и так уже были не молодые, а тут сразу потеряли столько детей. Для здоровья стариков это действительно страшный удар□

□Младшему наверняка особенно больно. У старших хотя бы есть жёны и дети, а ему было всего восемнадцать, связаться он может только с родителями□

□Помогите, почему-то вспомнилась история Чжичжи□

□Слишком больно. Одно место на крыше, по лестнице не пойду□

Когда братья-призраки наконец немного успокоили друг друга, Линь Ханьчжи сам попрощался с ними.

Но духи снова его окликнули. Они получили от этой группы помощь и всё думали, как бы отплатить. Добрые, простодушные люди часто именно таковы: не способны спокойно принимать чужую милость; получив хоть немного, обязательно хотят вернуть.

Поэтому даже во время драгоценных, очень коротких разговоров с жёнами братья успели спросить о храме Хай-гуна — вдруг женщины помнят какие-то дополнительные зацепки.

Ведь странные легенды передаются из уст в уста, и у каждого услышанная версия может отличаться.

И действительно нашлось кое-что, чего сами братья раньше не знали.

— Я только что спросил жену. Она родом из другой деревни и когда-то от стариков слышала легенду о храме Хай-гуна, которой я сам никогда не слышал...

Та деревня называлась Хайхуа. Её жители поколениями обитали у моря и кормились морем. Говорили, что после появления храма Хай-гуна в деревне всегда ходила легенда о «воплощении Хай-гуна».

Так называли якобы обычного человека, в которого Хай-гун превращался своей божественной силой. Поскольку сам Хай-гун считался воплощением бедствия, после каждого крупного несчастья жители Хайхуа начинали повсюду искать подозреваемого в том, что он — воплощение Хай-гуна.

Столкнувшись с бедствием, они прежде всего не думали, как спастись и устранять последствия. Они искали «воплощение», чтобы вернуть его морю. Только так, по их убеждению, можно было прекратить бедствия, которыми Хай-гун карал деревню.

А «вернуть морю» означало связать человека на толстом стволе дерева, оттащить рыбацкой лодкой в море поближе к храму Хай-гуна и оставить там.

Без воды и еды человек постепенно погибал и разлагался, после чего его душа якобы сама возвращалась в храм Хай-гуна.

□Эм... какое ещё воплощение? Это же чистейшее феодальное суеверие□

□Где вообще не бывает несчастий? Если каждый начнёт так делать, мир сойдёт с ума□

□Человека привязать к бревну и оставить дрейфовать в бескрайнем море без воды и еды — это и пытка для психики, и пытка для тела. По-моему, даже жертвоприношение, где человека сразу сжигают, не такое страшное□

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949202>